

смерть как перекур

«Гедда Габлер»
в «Мастерской Петра Фоменко»

Свой граммофон Гедда (Наталья Курдюбова) использует в качестве топки, предав огню рукопись своего возлюбленного Фотограф: Михаил Гутерман

Газета — 2004 — 21 дек. — с. 73.

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

На программках «Гедды Габлер» режиссер Миндаугас Карбаускис уже ставил свое имя. Произошло это важное событие вроде бы недавно, во времена его учебы в ГИТИСе, но кажется, что прошла целая вечность. Спустя четыре года после студенческой премьеры удачный спектакль было решено воскресить — как полноценную часть афиши фоменковского театра.

За четыре года Миндаугас Карбаускис талант и не зарыл, и не промотал, как оно, увы, часто выходит. Напротив, все, что ему дано от природы, режиссер расходует бережно, сохраняя надежду на то, что первоначальный «капитал» с годами только приумножится. «Гедда Габлер» у «фоменок» стала для Карбаускиса демонстрацией тех дивидендов, что приросли на его накопительном вкладе в искусство за отчетный срок. Мастерство режиссерское и вправду прирастает, но вот беда: театр — до того загадочная и коварная штука, что на голом мастерстве далеко не уедешь, накопишь его хоть до тыщи процентов. По случайности вышло, что премьера «Гедды Габлер» наступила на пятки громким гастролям другого спектакля по Ибсену и тем самым обрекла себя на неизбежные сравнения с «Норой» берлинского «Шaubюне»: едва ли Карбаускис протрет после премьеры хоть одну рецензию, где на глаза не попадет немецкое имя Томас Остермайер. Удержаться от сравнения трудно, хотя подход режиссеры демонстрируют диаметрально противоположный. Что немцу здорово, то литовцу смерть. Если Остермайер радикально перелопатил литературный материал, перенося действие в «здесь и сейчас», то Карбаускис демонстрирует традиционное для фоменковской школы уважение ко всякой авторской букве. Немецкая Нора променяла тарантеллу на брейк-данс и предпочла нарядам былых эпох прикид Лары Крофт, а Гедда Габлер (Наталья Курдюбова) до сей поры хранит чинную преданность веку декаданта. И тебе

узкое длинное платье, и тонкие пальцы, и мундштук на отлете — все приметы упадка налицо. Вряд ли во всемирной истории случилось другое время, когда была бы явлена столь жадная воля к смерти. Генрик Ибсен в «Гедде Габлер» набросал беглый и безжалостный портрет той эпохи. Загипнотизированная блестящей поверхностью своих коллекционных пистолетов, Гедда шаг за шагом идет к Смерти, попутно отвергая все предложения, поступившие ей от Жизни. Филистерское семейное счастье с пузаном-мужем (Алексей Колубков)? Не по ней. Утехи с любовником? Ах, бросьте. Радости материнства? Неинтересно. Счастье чело-вечества? Да ну его на фиг. Жизнь уродлива, смерть прекрасна. Гедда у Ибсена совершает двойное дето-убийство — тайком сжигает рукопись великой книги своего бывшего возлюбленного, которую тот называл не иначе как «мое дитя», и убивает ребенка в своей утробе, пустив пулю в висок. Смерть — одна из самых навязчивых гостей в спектаклях Карбаускиса, хотя декадансное превосходство мертвого над живым он никогда не утверждал (вместо значков «больше» или «меньше» он привык ставить знак равенства). Просто своей режиссерской волей вводил безвизовый режим на пути от жизни к смерти, разрушал тонкую границу между мирами. «Когда я умирала», «Старосветские помещики», «Долгий рождественский обед» — в каждом из этих спектаклей мертвецы снисходительно улыбались живым, дивясь их незнанию об истинном положении вещей. Удивительно было бы, если б без этого обошлось в «Гедде Габлер». Едва грянет выстрел и муж сокрушенно по-охлает над теплым самоубившимся телом, как тело встанет и, отряхнувшись, закурит очередную декадентскую сигарету. Жизнь не более чем дым. Спектакль Карбаускиса практически неуязвим для критических стрел, поскольку режиссером не совершено ни одной грубой ошибки и каждая роль в камерном пространстве простроена с филигранной точностью. Звание безошибочного спектакля было бы, пожалуй, наивысшей похвалой для курсовой работы, но в репертуарном спектакле эта безошибочность служит поводом для неудержимой, хотя и уважительной зевоты. Карбаускис достиг того этапа, когда безрассудный провал может стать полезнее осторожной удачи. Пора, в конце концов, начать проматывать накопленное мастерство.